

житие Никиты, апостола готского.³² Этот Никита, готский воин, проповедовал христианство среди своих соплеменников при царе Афанарихе, или Афарике, и после истязаний был сожжен в 372 г.³³

Следовательно, житие Никиты, на котором основывал свое предположение В. В. Каллаш, никак не могло считаться авторитетным в конце XVII—начале XVIII в., когда уже существовали «Четьи-Миней» Дмитрия Ростовского, и едва ли могло быть использовано для сценической переработки.

В. В. Каллаш очень осторожно формулировал свою точку зрения. Изложив житие Никиты по «Памятникам старинной русской литературы»³⁴ и сопоставив с основным сюжетом «Царя Максимилиана», Каллаш писал: «Сходство в имени царя и в основном сюжете очень заманчиво, но мы несколько не преувеличиваем его значения». В примечании к словам «и основном сюжете» Каллаш писал: «Впрочем, предложение поклониться „кумирским богам“, отказ и мученья — довольно обычная черта житий и духовных стихов. Важнее имя и то, что мученичеству подвергался сын царя. Есть сходство и в отдельных подробностях: заточение в тюрьму, переход палача на сторону мучимого, восстание против царя-мучителя и т. д.»³⁵

Если всмотреться в аргументацию Каллаша, станет очевидным, что все то, что он признает «сходством в отдельных подробностях», не более как житийный графарет: если мученик подвергается гонениям, то вполне естественно, что он заточается в тюрьму; если царь отличается фанатической жестокостью, то для оттенения стойкости мученика авторы житий сообщают, что под влиянием страданий и мужества святого палач переходит на его сторону.

Таким образом, ничего специфического в том варианте жития Никиты, на который опирался Каллаш, не было. Поэтому предположение Каллаша большого успеха не снискало, а через несколько лет и вовсе было отвергнуто. Автор одного из наиболее подробных исследований о «Царе Максимилиане», Р. М. Волков, даже самым беглым образом сопоставив пьесу и ее предполагаемый источник, вполне резонно пришел к выводу: «Сюжет пьесы и жития, кроме общности имени царя-гонителя Максимилиана да факта гонения царя на сына, ничего общего не имеет».³⁶

Самое же существенное возражение против гипотезы В. В. Каллаша — это то, что ни в репертуаре театра царевны Натальи Алексеевны, где особенно много было пьес, написанных по житиям святых, ни в других современных ей театрах не было пьес о житии мученика Никиты. А если бы она была, то, конечно, основывалась бы, как и все остальные пьесы, на димитриевских «Четых-Миней».³⁷

³² Апокрифи і легенди з українських рукописів. Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. Т. V. Легенди про святих, часть перша. Львів, 1910, стр. 137.

³³ См.: Жития святых, изданные Софьей Дестунис, изд. 3-е, сентябрь. СПб., 1912, стр. 73.

³⁴ Этнографическое обозрение, 1898, № 4 (кн XXXIX), стр. 51—52.

³⁵ Печатные тексты апокрифического жития Никиты известны следующие: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. III. СПб., 1862, стр. 146—149; Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым, т. II. М., 1863, стр. 112—120; Апокрифи і легенди з українських рукописів. Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. Т. V. Легенди про святих, часть перша, стр. 119—125, 125—130 (покутская версия), 131—137 (угорская версия). Покутская версия почти полностью совпадает с редакцией «Четых-Миней» Дмитрия Ростовского (см.: Апокрифи і легенди з українських рукописів, стр. 137).

³⁶ Р. М. Волков. Народная драма. «Царь Максимилиан». Опыт разыскания о составе и источниках. Русский филологический вестник, 1912, № 4, стр. 316.

³⁷ Автор новейшей работы о народной драме В. Д. Кузьмина считает, что «фабульной основой пьесы («Царя Максимилиана», — Л. Б.) явилась, по-видимому, какая-то